

УДК 069(476)

DOI: 10.31866/2617-7943.2.2018.164991

*Александр Гужаловский,**доктор исторических наук, профессор,**Белорусский государственный университет,**Минск, Беларусь**huzhalouski@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0002-9743-8724>*

МУЗЕЙНЫЙ ТРАНСФЕР: ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕЛУРУССКОГО МУЗЕЯ В ПРОЦЕССЕ ЕВРОПЕЙСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Цель исследования заключается в научном осмыслении роли культурного трансфера в зарождении музейного дела на белорусских землях («музейного трансфера»), в комплексном изучении этого явления как составной, органической части национальной культуры. **Методологической основой исследования** стали общенаучные универсальные принципы объективности, системности и всесторонности, а также сравнительно-исторический, историко-типологический, проблемно-хронологический и структурно-функциональный методы. Исследование осуществлено в рамках концепции культурных трансферов М. Эспаня. **Научная новизна** заключается в предложении нового термина – «музейный трансфер». На примере белорусского конкретно-исторического материала показывается его структура и механизмы функционирования. Определяется место и роль музейного трансфера в системе культурных взаимодействий. **Выводы.** Музей как социальный институт на белорусских землях возник в процессе культурного трансфера – динамического процесса межкультурной коммуникации. На начальном этапе культурный «перевод» западноевропейских музейных идей и практик на язык собственной белорусской культуры был почти всегда в конечном счете неудачным. Музейные проекты Ф. Скорины, Н. Радзивилла, А. Яблоновской, Ж. Жилибера, Г. Грубера, Е. Тышкевича не нашли широкой поддержки в традиционном, архаичном аграрном обществе и в результате социально-политических и военных катаклизмов быстро исчезали. Тем не менее, именно они заложили тот фундамент, на основании которого сформировалась современная музейная сеть, музейная профессия, музейные традиции в Республике Беларусь.

Ключевые слова: музей, коллекция, музейный трансфер, культурные взаимодействия, рецепция.

В данной статье мы попытались взглянуть на зарождение музейного дела в Беларуси, используя подход «культурного трансфера» – методологического концепта и метода, достаточно широко сегодня используемого исследователями, которые изучают европейские культурные взаимодействия. Впервые на концептуальном уровне этот метод был сформулирован и удачно использован в лаборатории культурного трансфера под руководством французского германиста Мишеля Эспаня. Как

отмечает ученый в своей книге «Французско-немецкие культурные трансферы», этот метод может широко использоваться в историко-культурных исследованиях (*Espagne, 1999, p. 1–11*).

Автор попытался применить данную исследовательскую парадигму к исторической музеологии. Другими словами, нас интересовало то, как произошел «перенос» музея из Западной в Восточную Европу, какие факторы поспособствовали, а какие помешали его органическому включению музея в «чужой» для него культурный контекст. Конкретно-исторические условия возникновения первых музейных явлений позволили исследовать причины и сущность такого «сдвига», описать изменения, возникшие в результате «трансфера» музея в новое пространство культуры. Погружение первых белорусских музеев в общеевропейский контекст позволяет их реконтекстуализировать на «новой родине», переосмыслить в рамках социальных, культурных, религиозных, политических практик.

В ходе изучения механизмов проникновения одной культуры в другую, нам необходимо обратить внимание на специфическую роль музейных «посредников» – людей осуществлявших подобный трансфер и, одновременно, смысловой культурный «сдвиг». Именно они переносили идею музея, музейные концепции и навыки музейной работы из одной культуры в другую. Эти посредники представляли собой живое воплощение культурного архетипа пограничья, водораздела между западной и восточной ветвями христианства, роль которого на протяжении веков выполняли белорусские земли. Музейные посредники существовали не только внешне, но и внутренне на перекрестке культур и, как правило, являлись людьми с раздвоенным культурным сознанием и внутренним конфликтом идентичностей.

К числу таких личностей относится восточнославянский первопечатник, ученый-медик Франциск Скорина (1486–1550), который первым попытался встроить идею музея в культурное пространство белорусского города. Об этом свидетельствует гравированный портрет Ф. Скорины, сделанный в 1517 г. в Праге, через пять лет после получения диплома доктора Падуанского университета и за три года до его переезда в столицу Великого княжества Литовского – Вильно, являвшегося в то время на две трети православно-белорусским городом (Шматов, 1990, с. 84). На портрете первопечатник показан в его рабочем кабинете в окружении различных предметов – символов знания. Каждый из них несет на себе значительную смысловую, символическую нагрузку. Песочные часы, “глобус вселенной” (армилярная сфера), книги, в том числе маленькие “альдины” и прочие предметы коллекционирования являются символами принадлежности портретируемого к кругу гуманистов. Собрания подобных предметов, некоторые из которых переросли в крупные музеи, использовались итальянскими учеными-естествоиспытателями, горными мастерами, врачами, провизорами в качестве материала для научных

исследований и экспериментов. Известно, что Ф. Скорина, который был знаком с некоторыми из них лично, также проводил астрономические исследования, в которых использовал свое собрание научных инструментов. Заложенные белорусским первопечатником традиции научного коллекционирования получили дальнейшее развитие в деятельности Виленского университета, основанного в 1570 г.

Следующая, более успешная попытка «трансплантации» в Беларусь западноевропейских практик музейного коллекционирования связана с представителями богатейшего рода Радзивиллов, первыми в Великом княжестве Литовском получившими титул князей Священной Римской империи. Основателем их собрания, находившегося в Несвижском замке, считается Николай Радзивилл Черный (1515–1565). В юности он совершил путешествие по Европе, что предполагало его знакомство с флорентийской коллекцией художественных предметов Лоренцо Медичи, ватиканским собранием папы Льва X, коллекциями Габсбургов в Вене. Большой интерес у титулованных особ того времени, особенно у представителей Габсбургской династии, вызывали медали и монеты с изображением римских императоров. В XVI в. в Западной Европе существовали сотни коллекций римских монет. В Нидерландах их было более 200, в Германии – 175, в Италии – 380. Вернувшись в Несвиж, Николай Черный основал собственный нумизматический кабинет.

Коллекционерское увлечение отца унаследовал его сын Николай Криштоф, по прозвищу Сиротка (1549–1616). На формирование его коллекционерских вкусов повлияли путешествия по Западной Европе, прежде всего, Италии. Например, в 1580 и 1582 гг. он дважды посещал Венецию, где познакомился с дожем Николо да Понте, а также осмотрел сокровищницу собора св. Марка. Николай Криштоф активно приобретал предметы искусства и старины на итальянских рынках, преимущественно в Венеции и Риме. Из поездок в немецкие города, прежде всего из Аугсбурга, он привозил часы высокохудожественной работы. Кроме того, подражая Габсбургам, князь собирал турнирные доспехи, которые принадлежали коронованным особам, а также основал литейную мастерскую по производству пушек. Их производство связывается с именем немецкого мастера Г. Мольтцфельда. В несвижской резиденции Радзивиллов был специально оборудован арсенал, где хранилось значительное количество холодного и огнестрельного оружия, а также военной амуниции, которая имела большую художественную ценность. Со своей стороны Сиротка участвовал в создании галереи воинской славы, задуманной эрцгерцогом Фердинандом Тирольским – сыном императора Фердинанда I в замке Абраз. Так, он отправил в пантеон воинской славы Габсбургов доспехи своего отца и братьев, отличившихся в войне с Московским княжеством.

Николай Криштоф старался быть в курсе книжных новинок на европейском рынке, прежде всего в Италии и Германии, где имел личные

контакты. Для несвижской библиотеки он приобретал книги с помощью своих эмиссаров в Венеции. Их также привозили купцы Монтелупи. Кроме того, князь пользовался тем, что в Германии учились его сыновья, где он заказывал интересующие его издания. Некоторые зарубежные авторы, которых Николай Криштоф знал лично, как, например, кардинал Ч. Баронио, сами присылали ему свои сочинения.

Во многих коллекциях XVI в. нашел отражение переходный период между средневековьем и гуманизмом. В значительной степени они напоминали средневековые «Космографии», авторы которых, описывая мир, обращались то к рациональным наблюдениям, то углублялись в туман сказок. Например, египетские мумии (часто это были останки казненных преступников, смешанные со смолой) или порошок из них аптекари продавали как кровоостанавливающее средство или средство от ушибов и переломов костей. То, что было неизвестно и непривычно, о чем не говорилось в Священном писании, рассматривалось как ненормальное и ужасное. Эту мысль подтверждает случай, который произошел с князем Николаем Криштофом Радзивиллом Сироткой во время его паломничества на Святую Землю. Судно князя на пути из Египта в Италию попало в шторм, причину которого суеверные пассажиры усмотрели в двух мумиях, которые путешественник вез домой. Они настояли на том, чтобы мумии были выброшены за борт (Кетра, 2000, s. 194–200).

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. генерал-аншеф А. Бибилов вывез архив и библиотеку из Несвижа в Петербург. В 1813 г. адмирал П. Чичагов отдал распоряжение отправить наиболее ценные предметы собрания в Москву. После этих реквизиций, несмотря на отдельные попытки, несвижское собрание в прежнем объеме восстановить не удалось.

Примеру князей Радзивиллов следовали представители других магнатских родов Великого княжества Литовского. В их резиденциях создавались собрания, лучшие из которых имели значительное историко-художественное значение и являлись национальным достоянием. Одно из них во второй половине XVIII в. было создано владелицей поместья Семятичи Анной Яблановской, урожденной Сапега (1728–1800). Посетив Париж, Рим и другие европейские столицы, она познакомилась с многочисленными достижениями европейской науки и культуры того времени, в т. ч. музеями. По возвращении, А. Яблановская с энтузиазмом приступила к созданию собственного кабинета редкостей и библиотеки.

Семятичский кабинет редкостей, которым заведовал некий Г. Грейбнер, размещался в четырех больших залах, где экспонировались приобретенные в западноевропейских странах произведения искусства, нумизматические коллекции, этнографические материалы, а также коллекция минералов, созданная известным голландским натуралистом А. Себа. В отдельном зале находилась библиотека, каталог которой

насчитывал несколько тысяч томов. О широких научных интересах хозяйки свидетельствовали физические устройства, модели машин, чучела животных, птиц, рыб, земноводных; коллекции различных видов насекомых, растений; образцы пород деревьев, сортов семян и плодов. Особое внимание гостей А. Яблоновской привлекали костюмы жителей Индии, а также археологические находки, привезенные из Геркуланума и Пампей.

Кабинет редкостей в Семятичах имел ярко выраженный дидактический характер. Он должен был способствовать распространению общих знаний о природе и человеке, развитию земледелия и животноводства. Очевидно, что музейное собрание, перед которым ставились подобные задачи, не могло иметь закрытый характер. Оно было хорошо известно современникам, привлекая внимание не только осматривавших его в разное время Станислава Августа, Павла I, но и известных ученых.

В 1788 г. А. Яблоновская приняла решение о передаче всего собранного государству, в общественное пользование, поставив в качестве единственного условия создание штатной должности хранителя. Социально-политическое положение Речи Посполитой в конце XVIII в., в частности ее второй и третий раздел, не дали шанса реализовать благородное начинание меценатки. Вскоре после ее смерти, в 1802 г. наследники продали кабинет редкостей, оцененный в 50 тыс. рублей, Александру I. Часть коллекций император передал в Эрмитаж, часть – в Московский университет, семятичская библиотека пополнила фонды Императорской публичной библиотеки (Bergerówna, 1936, с. 25–31).

Работа, проведенная отечественными коллекционерами в XVI–XVIII вв., содействовала возникновению в конце XVIII в. на белорусских землях музея как социального института. В значительной степени эти первые музейные проекты, реализованные при светских и духовных учебных заведениях, были следствием распространения идей Просвещения, манифестацией права всех людей на культурное развитие. Сохраняя многие черты частных собраний, музеи воплощали дидактический принцип наглядности обучения.

Возникновение первого подобного музея в Гродненской медицинской академии было связано с деятельностью управляющего королевской экономией в Великом княжестве Литовском Антония Тизенгауза (1733–1785). В 1775 г. он пригласил возглавить академию известного французского медика и натуралиста, доктора ботаники и медицины Жана Эммануэля Жилибера (1741–1814), который до этого работал в университете французского города Монпелье. Принимая предложение А. Тизенгауза, Ж. Жилибер осознавал всю сложность работы и основательно подготовился к ней. На пути из Монпелье в Гродно, он встречался с известными естествоиспытателями того времени, в т. ч. с А. де Жюссье в Париже, Ш. Бонне в Женеве, А. фон Галлером в Берне. Он получил от этих ученых ценные советы, а также ряд ценных книг и пособий. В итоге, когда

в конце 1775 г. Ж. Жилибер приехал в Гродно, он обладал значительной коллекцией семян и собранием научных предметов.

В мае 1776 г. А. Тизенгауз заключил с Ж. Жилибером договор, один из пунктов которого оговаривал создание «музея для изучения естественной истории», а второй – обустройство ботанического сада. Надо заметить, что в пункте о музее речь шла скорее не о создании, а о систематизации и расширении, так как несколькими годами ранее А. Тизенгауз приобрел богатую природоведческую коллекцию библиотекаря Радзивиллов К. Магнитского. Вместе с образцами, которые привез Ж. Жилибер из-за границы, эта коллекция стала фундаментом будущего музея.

Большое значение для обогащения собрания музея имели научные экспедиции, которые организовывал Ж. Жилибер в 1776–1777 гг. В Беларуси. К этому же времени относятся и его первые палеонтологические исследования, результаты которых также обогатили музей. Кроме того, в обмен на образцы белорусской флоры и фауны в Гродно поступали образцы природы и целые коллекции от П. Палласа из Петербурга, А. Сохандера из Лондона, учителя Ж. Жилибера – А. Гуана из Монпелье. Описание музея в Гродненской медицинской академии оставил немецкий астроном И. Бернулли, который осмотрел его в 1778 г. К времени его прибытия в Гродно, создание музея естественной истории еще не было закончено. Но уже тогда немецкого путешественника поразило обилие коллекций минералов, среди которых были образцы железных и медных ископаемых, янтаря, а также художественные изделия из некоторых минералов. Отдельно в экспозиции была представлена группа экспонатов, которые использовались для изучения физики и находились под наблюдением опытного механика. Кроме музея, в медицинской академии имелась богатая библиотека, насчитывавшая более 3 тыс. томов, изданных во Франции, Австрии и Германии. Здесь же хранилось около 300 гравюр с изображением малоизвестных растений Альп и Пиренеев, подготовленных в начале XVII в. профессором ботаники университета Монпелье Пьером де Белевелем. По словам другого путешественника – английского историка и педагога У. Кокса, ботанический сад Гродненской академии насчитывал не менее 1,5 тыс. видов растений и ничем не уступал многим ботаническим садам Европы. Кроме того, в здании академии имелся анатомический театр, где хранились научно-вспомогательные материалы по остеологии.

Ж. Жилибер давал своим студентам глубокие знания по медицине и естественной истории. Однако налаженная им собирательская работа была направлена не только на преподавание учебных дисциплин, но и на серьезные научные исследования. Французский ученый составил несколько гербариев дикорастущих растений в окрестностях Гродно и Вильно, на основе которых написал книгу «*Flora Lituania*» – первое научное исследование флоры Беларуси и Литвы. На ней выросла целая плеяда известных в будущем местных естествоиспытателей. Кроме того,

во время сбора коллекций Ж. Жилибер подготовил первую в Европе фитогеографическую карту. Таким образом, «музей для изучения естественной истории» Гродненской медицинской академии стал первой научной лабораторией по изучению флоры, фауны и палеонтологии Беларуси.

Музей находился еще в стадии становления, когда после отставки А. Тизенгауза, в 1781 г. Гродненская медицинская академия была присоединена к Виленскому медицинскому коллегииуму, затем – к медицинскому факультету Виленского университета. В 1790 г. после длительных переговоров, в ходе которых обсуждались возможности компенсации, назначения пенсии, а также возврата коллекций их создателю, часть музейного собрания была перевезена в Лион. Оставшееся, в том числе знаменитые гербарии Ж. Жилибера, после закрытия в 1841 г. Виленской медико-хирургической академии было передано университету Св. Владимира в Киеве (Kościatkowski, 1970, s. 380–408).

Организация музея в Гродненской медицинской академии хронологически совпала с созданием музея в Полоцке при иезуитском коллегииуме, который в 1579 г. основал король Речи Посполитой С. Баторий. Музей в Полоцком коллегииуме возник вскоре после прибытия в город иезуитов из Западной Европы. Это стало возможно после того, как в 1774 г. Екатерина II взяла под опеку иезуитов в пределах Российской империи. Сделала она это, руководствуясь политическими мотивациями, вопреки папской булле об упразднении ордена. В 70-е гг. XVIII в. в Полоцк устремились люди разных званий и знаний, искусств и ремесел: в коллегииум прибыли механики, художники, медики, библиофилы, археологи, астрономы, химики, врачи, изобретатели различных машин и механизмов. Многие из них привезли с собой естественнонаучные коллекции и художественные изделия, различные механизмы и книги.

Среди прибывших иезуитов были известный итальянский архитектор и художник К. Анджолини, доктор истории и археологии Сорбоннского университета Д. Ришардо и др. К числу наиболее авторитетных преподавателей коллегииума принадлежал Габриэль Грубер (1738–1805), австрийский ученый-энциклопедист, художник и архитектор. Он хорошо знал историю, химию, владел шестью языками, был неплохим музыкантом и художником. Именно он выступил инициатором систематизации привезенных в Полоцк коллекций и проектирования на их основе музейных экспозиций. После отъезда Г. Грубера в 1800 г. в Петербург в течение девяти лет музеем руководил Франческо Рико, ученый и преподаватель из Италии, который значительно увеличил коллекции. После его смерти и до самого изгнания иезуитов из России, хранителем музея являлся талантливый ученик Г. Грубера, уроженец Беларуси Юзеф Цитович.

В 1788 г. по проекту Г. Грубера к главному зданию коллегии был пристроен корпус, где разместилась музейная экспозиция. Экспонаты

систематизували в трьох великих залах наступним чином: картинна галерея, фізический кабінет, природоведчеський кабінет, астрономічеський кабінет, хімічеський кабінет. Галерею і кабінети доповняла бібліотека, насчитувавшья свьяше 35 тьяс. томов на різних мьязах. Музей іезуїтського колегіума в Полоцкє был ізвестен блягодаря інтересним експонатом і необычній експозиції.

Наибольшей популярностью у студентов и преподавателей, а также местных жителей и путешественников, пользовалась укрепленная на стене физического кабинета «больших размеров говорящая голова». Иезуит, который сопровождал посетителей, предлагал задавать «голове» различные вопросы. «Голова» сразу же отвечала на вопросы собеседника, притом на том языке, на котором к ней обращались, а выражение лица реагировало на тему разговора соответствующей мимикой. Это «чудо» объяснялось весьма просто: за стеной находился опытный механик, который приводил в движение механизмы и отвечал на вопросы. В 1780 г. в ходе путешествия по вновь присоединенным губерниям «чудесной голове» задавала вопросы Екатерина II. «Приятно удивлен» увиденным в музее, кабинетах и библиотеке был Александр I, который посетил Полоцк в июле 1802 г.

В 1822 г., после изгнания иезуитов из России, здание полоцкой академии, в том числе музей и библиотека, было передано ордену пиаров. Но уже через восемь лет пиаров перевели в Вильно, а их имущество перешло в государственную казну. В мае 1830 г. с целью разбора кабинетов и музея в Полоцк была направлена комиссия во главе с профессором Петербургского университета Д. Поповым. Результатом ее деятельности явилась отправка в Петербург лучших книг, картин, мозаик, памятников декоративно-прикладного искусства, нумизматики, а также уникальных солнечных часов. Все это было позже разделено между университетом, Академией наук и Академией искусств. Часть оставшихся в Полоцке музейных ценностей отобрали для продажи с торгов, остальное предназначалось для учреждаемого полоцкого кадетского корпуса (Сапунов, 1890, с. 30).

Начальный этап усвоения беларусскими элитами музея как культурного феномена завершился в 1855 г. созданием археологом Е. Тышкевичем первого на беларусских этнических территориях публичного музея. Подготовительные работы, предшествовавшие открытию Виленского музея древностей являются убедительной иллюстрацией культурного перемещения, «импортирования» идеи публичного музея. Определяющее значение для появления Виленского музея древностей сыграла научная поездка, предпринятая Е. Тышкевичем летом 1843 г. в скандинавские страны. По мнению ученого, древняя культура именно этого региона Европы была наиболее близкой культуре его родной «Литовской Руси».

В то время интерес к историческому прошлому Скандинавии определялся, с одной стороны, расширением научных взглядов историков, которые, выйдя за рамки античного искусства, приступили к изучению собственной мифологии и истории материальной культуры, с другой – всеобщим недовольством тем, что в результате исторических перемен Дания и Швеция оказались на периферии Европы. В скандинавских странах, проигравших войны соседним сильным государствам, но сохранивших самостоятельность, власть и общественность придавали музеям важное значение.

После получения заграничного паспорта Е. Тышкевич прибыв в Стокгольм, где сразу же направился к президенту шведской Королевской Академии наук Й. Берзелиусу, к которому у белорусского ученого имелось рекомендательное письмо, написанное профессором Виленской медико-хирургической академии Э. Эйхвальдом. Й. Берзелиус составил план пребывания ученого в скандинавских странах, который включал знакомство с работой важнейших скандинавских музеев.

В соответствие с этим планом, Е. П. Тышкевич первоначально направился в Королевский замок, в левом крыле которого находились картинная галерея, собрание скульптур, а также коллекции древнеегипетских, древнеримских и скандинавских древностей. После детального изучения экспозиций, ученый раскритиковал их создателей за отсутствие «порядка» в размещении экспонатов. Вероятнее всего, под словом «порядок», Е. Тышкевич подразумевал недостаточно выверенные типологические ряды систематических экспозиций в Королевском замке.

Формированию этого типа экспонирования в первой половине XIX в. способствовало утверждению приоритета научного мышления, а также идея линейного исторического развития. Их развитие было связано с процессом дифференциации в науке. Предметы, представлявшие в соответствии с систематическим методом экспонирования, отбирались, интерпретировались и размещались в соответствии с классификационной системой научной дисциплины, представленной в музее. Основной структурной единицей такой экспозиции становился типологический или системный ряд. Именно по этому пути пошел Е. Тышкевич, систематизировав в экспозиции Виленского музея древностей материал следующим образом: 1. Монеты, медали; 2. Гравюры, географические карты, атласы; 3. Картины, портреты, скульптуры; 4. Дипломы, рукописи, автографы исторических деятелей; 5. Мемориальная коллекция; 6. Археологическая коллекция; 7. Библиотека.

Затем он отправляется в замок Грипсхольм, известный своей коллекцией портретов представителей правящих династий Европы, в т. ч. Речи Посполитой, а также собранием военных трофеев. Не меньшее впечатление на путешественника произвели замки Дротнингхольм и особенно Скуклостер, который к тому времени уже приобрел славу богатейшего хранилища исторических и художественных памятников.

В Лунде внимание Е. Тышкевича привлекли археологический, нумизматический и естественнонаучный кабинеты местного университета, а также «кабинет редкостей» графа де ля Гарди.

Однако, наиболее важным с музеологической точки зрения было его пребывание в столице Дании – Копенгагене. Там внимание ученого привлек прежде всего Музей северных древностей, созданный К. Томсеном в 1819 г. в соответствии с «теорией трех эпох». Позднее эта систематизация была подтверждена преемником К. Томсена Й.-Я. Ворсо, доказавшим существование бронзового века. Л. фон Ранке заложил парадигму труда историка между архивом и письменным столом, а К. Томсен – парадигму труда археолога между раскопками и музеем. Это понимание специфики работы археолога разделял Е. Тышкевич – он тщательно изучал принципы построения экспозиции Музея северных древностей, обсуждал различные вопросы музейной практики с датскими коллегами, делал в экспозиции зарисовки, составлял списки экспонатов. Для будущего своего музея он приобрел в Копенгагене коллекцию каменных топоров. Кроме Музея северных древностей, Е. Тышкевич много времени проводил в Музее скульптуры Б. Торвальдсена, только что открывшегося в историческом центре Копенгагена на средства, собранные по подписке среди жителей города.

Можно предположить, что на решение Е. Тышкевича о создании отдела природы в Виленском музее древностей повлияло знакомство с Государственным естественнонаучным музеем, который уже имел к моменту прибытия ученого собственное здание в Стокгольме, а также Королевским естественнонаучным собранием в Копенгагене.

В ходе своего путешествия по Скандинавии Е. Тышкевич фиксировал становление культурно-образовательной социальной функции музея. Например, Музей северных древностей в Копенгагене в то время уже был открыт для осмотра раз в неделю бесплатно для людей всех званий. Не меньшее количество людей привлекали экспозиции Королевского замка в Стокгольме, а также шведских исторических замков. Наблюдая за тем, как собрания, выставленные в замке Скуклостер осматривает группа студентов Уппсальского университета, он записал: «Реликвии минувших славных дней воспитывают молодежь, а следовательно – определяют судьбу будущего». Не в последнюю очередь благодаря музеям, по наблюдениям ученого, историей были увлечены представители различных слоёв шведского общества, даже крестьяне рассказывали о былом величии своих королей «как старик о годах своей молодости» (Tyszkiewicz, 1846, s. 66).

Британский политолог и социолог Б. Андерсон подметил, что появлению современных наций предшествовало составление географических карт, проведение переписей населения и открытие музеев (Андерсон, 2016, с. 290). Появление, деятельность и судьба Виленского музея древностей, который к середине 1860-х гг. превратился в крупный центр

по изучению и популяризации исторического прошлого и природы белорусских земель подтверждает эту мысль. Вскоре после подавления восстания в Польше, Литве и Беларуси 1863–64 гг., музей, объявленный генерал-губернатором М. Муравьевым «цитаделью польского сепаратизма» и подчиненный реакционному руководству виленского учебного округа, подвергся ревизии. Была сформирована комиссия по очищению музея от идеологически вредных предметов, на заседания которой периодически вызывался уже бывший попечитель музея Е. Тышкевич. Его объяснения задач и содержания своей деятельности позволяют сегодня понять то, как он пытался встроить заимствованную в Скандинавии идею публичного музея в процесс конструирования наций, который начался на территории Восточной Европы. Так, говоря об этнической принадлежности предметов, представленных им в экспозиции Виленского музея древностей, он настаивал: «Могу сказать открыто, что в музее собственно польских предметов почти нет. Все, что есть, местное, литовско-русское» (Гужалоўскі, 2001, с. 79).

Подобно экзотическим растениям, первые музеи Беларуси были пересажены, «трансплантированы» на новую почву и здесь начали самостоятельную жизнь в сложных условиях цивилизационного пограничья. На развитие белорусской культуры в целом и рецепцию музейных инноваций, в частности, наложили отпечаток отношения России и Польши, которые исторически формировались в антагонизме. Кроме территориальных споров и борьбы за сферы влияния имелись серьезные различия в содержании двух культур, которые определялись прежде всего способом восприятия античного и христианского наследия, другими словами, противопоставления Рима и Византии. Белорусские земли являлись географическим водоразделом, местом пересечения двух мощных культурных течений, что замедляло формирование собственно белорусского культуры.

Следует отметить, что на начальном этапе культурный «перевод» западноевропейских музейных идей и практик на язык собственной белорусской культуры был почти всегда в конечном счете неудачным. Индивидуальные музейные проекты не нашли значительной поддержки в традиционном, архаичном аграрном обществе и в результате социально-политических и военных катаклизмов быстро исчезали. Непродолжительную жизнь первых белорусских музеев сопровождали трудности и недостатки, характерные для большинства других восточноевропейских музеев: отсутствовала точная профилизация коллекций, их комплектование было, за немногими исключениями, случайным, просветительская работа находилась в зачаточном состоянии. Тем не менее, именно они заложили тот фундамент, на основании которых сформировались современная музейная сеть, музейная профессия, музейные традиции в Республике Беларусь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Андерсон, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле.
- Гужалоўскі, А.А. (2001). *Нараджэнне беларускага музея*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
- Сапунов, А. (1890). *Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке*. Витебск: Тип. губерн. правления.
- Шматов, В.Ф., (1990). *Искусство книги Франциска Скорины*. Москва: Книга.
- Bergerówna, J. (1936). *Księżna Pani na Kocku i Siemiatyczach*. Lwow: Nakładem Towarzystwa Naukowego.
- Espagne, M. (1999). *Les transferts culturels franco-allemands*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Kempa, T. (2000). *Mikolaj Krzysztof Radziwill Sierotka, 1549–1616: Wojewoda Wilenski*. Warszawa: Semper.
- Kościółkowski, S., (1970). *Antoni Tyzenhauz: Podskarbi nadworny litewski*. (Т. 1). Londyn: Wyd-wo Spolecz. Akad. Univ. Stefana Batorego.
- Tyszkiewicz, E. (1846). *Listy o Szwecji*. (Т. 1). Vilna: Wyd. A. Zawadzki.

REFERENCES

- Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole [in Russian].
- Bergerówna, J. (1936). *Księżna Pani na Kocku i Siemiatyczach* [Duchess of the Lady on Kock and Siemiatycze]. Lvov: Nakładem Towarzystwa Naukowego [in Polish].
- Espagne, M. (1999). *Les transferts culturels franco-allemands* [Franco-German cultural transfers]. Paris: Presses Universitaires de France [in French].
- Hużałoўski, A.A. (2001). *Naradžeńnie biełaruskaha muzieja* [The birth of the Belarusian Museum]. Minsk: Bielaruski dziazhaŭny ūniviersitet [in Belarusian].
- Kempa, T. (2000). *Mikolaj Krzysztof Radziwill Sierotka, 1549–1616: Wojewoda Wilenski* [Mikolaj Krzysztof Radziwill Sierotka, 1549-1616: Governor of Wilen]. Warsaw: Semper [in Polish].
- Kościółkowski, S. (1970). *Antoni Tyzenhauz: Podskarbi nadworny litewski* [Antoni Tyzenhauz: Podskarbi court Lithuanian]. (Vol. 1). London: Social Edition. Akad. Univ. Stefan Batory [in Polish].
- Sapunov, A. (1890). *Zametka o kollegii i akademii iezuitov v Polotske* [A note about the college and the Jesuit academy in Polotsk]. Vitebsk: Tipografiia gubernskogo pravleniia [in Russian].
- Shmatov, V.F. (1990). *Iskusstvo knigi Frantsiska Skoriny* [The art of the book of Francis Skaryna]. Moscow: Kniga [in Russian].
- Tyszkiewicz, E. (1846). *Listy o Szwecji* [Letters about Sweden]. (Vol. 1). Wilno: Ed. A. Zawadzki [in Polish].

UDC 069(476)

Alexander Huzhalovskiy,*D.Sc. in Historical Sciences, Professor,**Belarusian State University,**Minsk, Belarus**huzhalouski@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0002-9743-8724>***MUSEUM TRANSFER: THE EMERGENCE OF BELARUSIAN MUSEUM
IN EUROPEAN INTERCULTURAL COMMUNICATIONS**

The purpose of the article is to suggest a new conceptual understanding of the of cultural transfer role in the birth of museum in Belarusian lands ("museum transfer"), within a comprehensive study of this phenomenon as an integral, organic part of the national culture. **The methodological basis of the research** has become the universal scientific principles of objectivity, systematic and comprehensiveness, as well as comparative-historical, historical-typological, problem-chronological and structural-functional methods. The study was carried out in the framework of M. Espagne cultural transfers concept. **The scientific novelty of the article.** The work proposes a new term, 'museum transfer'. Its structure and functioning mechanisms are illustrated employing major early Belarusian museum cases. The place and role of the museum transfer in the system of cultural interactions is determined. **Conclusions.** The emergence of museum as a social institution in the Belarusian lands was a result of cultural transfer – a dynamic process of intercultural communication. At the initial stage, the cultural 'translation' of Western European museum ideas and practices into the language of Belarusian culture was ultimately unsuccessful in most cases. Museum projects of F. Skaryna, N. K. Radziwill, A. Jabłonowska, J. E. Gilibert, G. Gruber, E. P. Tyszkiewicz did not find wide support in the traditional, archaic agrarian society and as a result of socio-political and military cataclysms quickly disappeared. Nevertheless, they laid the foundation on which the modern museum network, museum profession, museum traditions in the Republic of Belarus were formed.

Key words: museum, collection, museum transfer, cultural interaction, reception.

УДК 069(476)

Олександр Гужаловський,

доктор історичних наук, професор,
Білоруський державний університет,
Мінськ, Білорусь
huzhalouski@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9743-8724>

МУЗЕЙНИЙ ТРАНСФЕР: ВИНИКНЕННЯ БІЛОРУСЬКОГО МУЗЕЮ В ПРОЦЕСІ ЄВРОПЕЙСЬКИХ МІЖКУЛЬТУРНИХ КОМУНІКАЦІЙ

Мета дослідження полягає в науковому осмисленні ролі культурного трансферу в зародженні музейної справи на білоруських землях («музейного трансферу»), у комплексному вивченні цього явища як органічної складової національної культури. **Методологічною основою** стали загальнонаукові універсальні принципи об'єктивності, системності та всебічності, а також порівняльно-історичний метод, історико-типологічний, проблемно-хронологічний та структурно-функціональний. Дослідження здійснено в межах концепції культурних трансферів М. Еспаня. **Наукова новизна** полягає в пропозиції нового терміна – «музейний трансфер». На прикладі білоруського конкретно-історичного матеріалу показано його структуру та механізми функціонування. Визначається місце та роль музейного трансферу в системі культурних взаємодій. **Висновки.** Музей як соціальний інститут на білоруських землях виник у процесі культурного трансферу – динамічного процесу міжкультурної комунікації. На початковому етапі культурний «переклад» західноєвропейських музейних ідей і практик на мову власної білоруської культури майже завжди був невдалим. Музейні проекти Ф. Скорини, Н. Радзивілла, А. Яблоновської, Ж. Жилибера, Г. Грубера, Є. Тишкевича не мали широкої підтримки в традиційному, архаїчному аграрному суспільстві та в результаті соціально-політичних і військових катаклізмів швидко зникали. Проте саме вони заклали той фундамент, на основі якого сформувалася сучасна музейна мережа, музейна професія, музейні традиції в Республіці Білорусь.

Ключові слова: музей, колекція, музейний трансфер, культурні взаємодії, рецепція.

© Гужаловский А., 2018